

Алла ПУГАЧЕВА:

Лучше страдать от любви, чем от ее отсутствия

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

Когда на «Прямую линию» вышла Пугачева, редакционный телефон не замолкал ни на секунду. Полная распечатка ее разговора с читателями и ответы на вопросы, присланные по Интернету, могли бы занять всю газету. Мы даем только выдержки, только самое интересное, вынужденно сократив множество признаний в любви к певице и ее ответные очень теплые слова благодарности слушателям.

— Добрый день, Алла Борисовна! Меня зовут Олег Дементьев, я журналист и актер. Хотел бы два вопроса вам задать.

— Первый какой?

— Конечно, вы — актриса, и актриса драматическая. Почему все-таки вы в жизни не ступали на театральные подмостки?

— Вероятно, не было смелости, не было предложений. Сейчас я могла бы это сделать. Я считаю, что я готова к этому.

— А есть у вас такой проект?

— Проект есть, есть и героиня этого проекта. Я нашла ее. Но сейчас боюсь вам говорить, чтобы, во-первых, не сглазить, а во-вторых, чтобы никто не украл эту идею.

— Однажды в Екатеринбурге я звонил организаторам гастролей с просьбой об интервью с вами. Они сказали: это стоит 11 тысяч.

— О боже!!! Первый раз слышу. Мысль, конечно, интересная. И петь не надо. Знай давай себе интервью. За деньги. (Смеется.) Может быть, таким образом вас хотели заставить отказаться от мысли об интервью? Тогда это уже маленькие хитрости шоу-бизнеса.

— Алла Борисовна? Вас беспокоят из Караганды, некто Могулик. Я вам высылала свои стихи на день рождения. Вам передали?

— Ну, наверное, передали. Знаете, мне очень много стихов передали на день рождения, но я их все-все читала.

— Там было: «Вся жизнь моя — один большой театр».

— Я, конечно, прочла. Спасибо вам большое. Ведь это частица вашей души была подарена мне.

— А можно еще выслать?

— Конечно.

— Здравствуйте. Меня зовут Ермолай Сарептов. Я композитор, но сколько я ни давал кассеты в студии, в вашу, в частности, ни ответа, ни привета. Вы же знаете, как тяжело пробиться.

— Очень тяжело каждый раз отвечать всем, кто дает кассеты,

что они не подходят. Поэтому я лично, слушая все кассеты, отвечаю только тем композиторам, чья песня подошла. Так что пишите, пишите много, часто, наверняка что-нибудь подойдет.

— Люди, которым я показываю свои песни, где представляю образ того или иного певца, говорят, что именно для них это и подходит.

— А вы можете в двух словах сказать, объяснить мой образ, а то я сама его понять не могу всю жизнь.

— Я просто пишу песни для исполнителей исходя из того, на что они способны.

— А когда вы пишете песню, вы о себе забываете вообще? Вот это жаль, вряд ли вы сможете попасть наугад. Мне кажется, интересна личность композитора, ваше мышление, ваш образ, то, как вы смотрите на ту или иную тему, как ее выражаете. Важно, чтобы ваш мир раскрылся через меня. Так что, Ермолай, еще раз попробуйте прислать на Артстудию. Я попрошу, чтобы они отдельно отложили мне на букву «Е». Ермолай. Вот фамилию я точно не запомню, а имя...

— Здравствуйте, Алла Борисовна. Узнаю ваш голосочек. Так страшно с вами разговаривать, как перед зубным кабинетом или как перед гинекологом.

— Да что вы!

— Целую вас, здоровья вам огромного, любви. Меня зовут Лариса. Я сама певица, извиняюсь за нескромность. У меня есть такие песни, которые и вам отчасти подойдут. Вот, допустим, стоит балерина, она стоит в пачке и в ботинках...

— А вы представляете меня в пачке?

— И в ботинках лакированных. Она сделала шпагат, а в руках — поднос, там стоит рюмка коньяка и пепельница. Вот такое что-то неординарное. Я люблю такие вещи.

— А можно не садиться на шпагат?

Лучше страдать от любви, чем от ее отсутствия

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Но тогда вы просто приходите и берете с подноса...

— Сигару и коньяк, это меня больше устраивает.

— Да, вот вы берете рюмку, выпиваете, тут же разбиваете.

— И при этом не пою. Класс! Подходит! Дождитесь, когда я приеду в Волгоград. Подойдете, и как вы только скажете, что вы боитесь меня, как гинеколога, так я вас сразу и вспомню.

— А когда вы будете в Волгограде?

— Как только научусь садиться на шпагат. (Хочет.)

— А.Б. слушает.

— Добрый день, Алла Борисовна. Минчанин Михаил Владимирович. Мне 60 лет. Я недавно был на вашем концерте, коротенький, правда, концерт. В Минске. Во Дворце спорта.

— Коротенький?! Два часа для вас мало?

— Для меня всегда будет мало. Вы уж простите, ради Бога.

— Так это же чудесно!!! Это чудесно!!!

— Здравствуйте, Алла Борисовна. Я Мушнев Александр Вахасайд Магомедович, из Чечни. Может быть, вы меня помните?

— Конечно. Я же вам билет покупала. Как вы поживаете, кстати? Вы добрались до дома тогда?

— Да, а потом оттуда меня выгнали и три месяца продержали в тюрьме, как лицо кавказской национальности. Я очень болен. У меня, как вы знаете, контузия.

— Дайте, пожалуйста, мне ваши координаты. Раз уж я вам помогала один раз, то помогу и второй.

— У меня нет. Я живу где попало...

— Ясно, короче говоря, бомж чеченского разлива. Хорошо, вы запишите телефон один, вам скажут, когда, куда и сколько. Звоните, Вахасайд Магомедович.

— Радио «Эхо Москвы в Кузбассе», программа «Женский клуб». Что вы думаете о мужчинах?

— Что я думаю о мужчинах? А я о них не думаю. Я их разыскиваю. Алло! Где они? Их так мало осталось. Настоящих-то. Я не думаю о них еще и потому, что верная супруга. Я думаю только об одном мужчине. Потому что он настоящий.

— Что вам нравится в мужчинах и что нет? Назовите пару качеств.

— Самое главное, для меня лично, качество в мужчинах — это великодушные по отношению к женщине, а иногда и снисходительность к ее чисто женским вывертам.

— А что отталкивает больше всего в мужчинах, какие качества?

— Их мужские качества меня никак не отталкивают. Вот немужские качества меня отталкивают от мужчин. Если он как баба себя ведет.

— Хорошо, что-нибудь еще можете добавить?

— К мужчинам? А пусть они теперь добавят что-нибудь, потому что они и есть добавка к моей жизни.

— Алла Борисовна! Вы изумительная! Меня зовут Наташа, я работаю, мне 37 лет, ну все очень ничего. А что самое главное в мужчине, на ваш взгляд?

— Вы меня спрашиваете про мужчин, как будто я профессионал в этом деле. Что самое главное? Ну размер не имеет значения, как сейчас модно говорить. Глаза, скорее всего, главное — зеркало души. Вот два таких фактора — сначала должен посмотреть, как надо, потом сказать то, что хочется услышать женщине.

— Как вы себя чувствуете?

— Я себя супер как чувствую.

— Отлично. Алла Борисовна, всего вам самого-самого наилучшего, голос у вас просто фантастический!

— Спасибо, Наташа, должна вам сказать, что в 37 лет у меня был такой интересный роман, так что я тоже желаю вам такого.

— Вы знаете, что-то он не идет.

— От 36 до 40 лет обязательно будет, ловите момент. А потом возьмите ластик, все сотрите и

начните все заново. Так что желаю вам всего-всего, до свидания.

— Здравствуйте, Алла Борисовна. Я из Душанбе. Весь Таджикистан был и остается вашим поклонником.

— Ой, какая ж там красота в Душанбе!

— Я поклонник вашего таланта и вашей красоты! Низкий поклон вам, мы Аллаха молим, чтобы вы всегда были такой красивой и такой гордостью для нашего бывшего СССР. Я привез вам фрукты, могу передать.

— Спасибо, я очень тронута, но я улетаю, к сожалению. Вы пока скушайте сами, но я вас запомню.

— Азиз меня зовут.

— Хорошо, приеду в Душанбе и сразу со сцены скажу: Азиз, давай дыню!

— Пароль у нас «дыня», ладно? Всех благ вам и вашим внукам.

— Здравствуйте, Алла Борисовна. Я вас просто обожаю, я люблю ваши песни, и хочется, чтобы вы спели что-нибудь с Филиппом.

— А не получится такой сладкий-сладкий дуэт, как эклер с какао?

— Вы такая пара хорошая, так хочется увидеть вас вместе поющих.

— Пара-то хорошая, но ее не отпускают ни журналы, ни газеты. Там и придуманные истории, и непридуманные истории. А если мы еще и споем вместе! Ведь придется о любви петь. Это будет слишком сладко. А если петь о ссоре, то вы подумаете, что мы расстались. Нет, лучше пока мы подождем. Может, нам трио спеть: Кристина, Филипп и я.

— А можете спеть что-нибудь в трубку, я просто рада буду.

— А вы не верите, что это я?

— Нет, не могу поверить.

— (Пугачева поет.)

— Алла Борисовна, я собираю все ваши интервью, фотографии, высказывания. И мне кажется, что интервью, которые вы даете, они самые правдивые, а все остальное, что пишут о вас, — наполовину вранье. Или все вранье.

— Вам не кажется, это действительно так. Поэтому лучше читайте мои интервью. Когда я отвечаю сама на вопросы, то говорю только правду. Или так говорю, что вы ее прочтете между строк. А все остальное, если я это не комментирую, — неправда.

— На диске «Мадам Брошкина» проанонсирован адрес вашего официального интернет-сайта, но там ничего нет.

— Я, знаете, с Интернетом на «вы» и туда не хожу. Но по идее там должно быть все в порядке. Мной занимается одна из самых известных интернетовских компаний, поэтому не может быть, чтобы там ничего не было. Честно вам скажу, я этим — собой в данном случае — мало интересуюсь. Но ради вас и других поклонников, конечно, все проверю.

— Вы говорили в интервью в конце прошлого года, что следите новую программу. Когда ее можно будет увидеть в Москве?

— В новом году, в новом веке. Может быть, даже под новым именем.

— Не пугайте.

— Ну почему? Так интересно поработать как начинающая певица. Можно вообще все сменить — и образ, и голос, и музыкантов, и петь под фонограмму! Во! Ведь начинающим все прощается. А мне нет, ничего не прощают, я так устала от этой ответственности. (Хитро улыбается.) Да ладно, шучу. Конечно, пока я нужна, я буду петь под своим именем, которым очень дорожу благодаря вашей любви. Спасибо вам большое.

— Здравствуйте, Алла Борисовна. Нравится ли вам сейчас российская эстрада? Есть ли настоящие, а не липовые звезды?

— Совершенно необязательно, чтобы она мне лично нравилась. Потому что если на артиста идет публика, значит, эта звезда, нужна. Если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно. И на мой личный вкус совершенно нельзя ориентироваться. Конечно, много дутых величин, потому что... вы прекрасно понимаете, что можно сделать и из Буратино

звезду. Если вложить определенные деньги. Но если нет таланта как такового или нет силы воли у человека его развить, найти себя, то, конечно, все бесполезно.

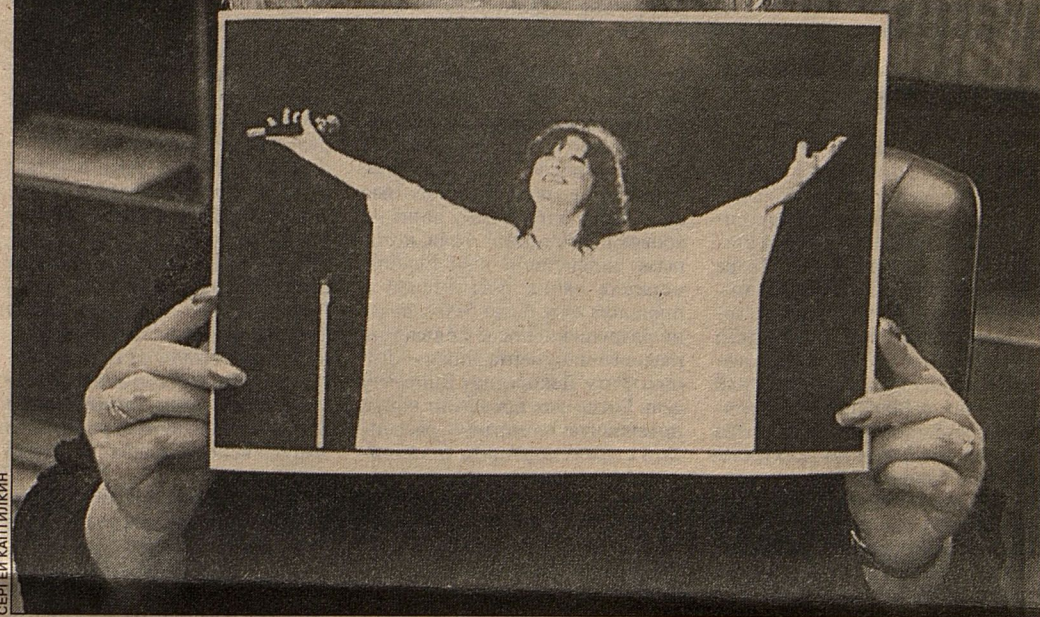
— А такое можно о вашей дочери сказать?

— Сейчас о дочери я уже могу сказать, что она действительно нашла себя. Это такой луч света в нашем шоу-бизнесе! Она очень светлая личность и очень хорошо гармонирует с другими певицами, которые работают каждая в своем направлении. Главное, что у нее есть свой имидж, есть своя дорога, свое амплуа. Кристина давно уже, с 15 лет, самостоятельный человек. Я ее второй раз видела сейчас только на презентации, а первый раз — на свой день рождения в концертном зале «Россия». И между 15 апреля и 5 сентября был такой разительный контраст. И это мне дает возможность говорить о ней как о певице с большим, большим потенциалом. Я была в таком восхищении — неприличном восхищении — от нее. Я просто забыла, что это моя дочь, и смотрела на нее как на актрису, как на элегантнейшую женщину, которая прекрасно, к тому же, пела. И живьем, что характерно. Для меня человек, который поет свой сольный концерт под фонограмму, не существует, как таковой.

— Нравится ли вам, что в газетах, уже давно, пишут вместо вашей фамилии инициалы «А.Б.»? Не родственник ли вам Емельян Пугачев и настоящая ли у вас фамилия?

— Моя фамилия настоящая, я Пугачева действительно, и Алла Борисовна тоже. В моей родословной есть Емельян. Что за Емельян — не знаю. Тот ли или в честь него назван, но что-то есть такое. А инициалы — знаете, не так уж это и плохо. Это же показатель определенной известности, если «АБ» — это обязательно Алла Борисовна.

— Алла Борисовна, а можно вам задать такой глобальный вопрос? Может быть, он и глупый. Что самое главное для человека вообще в жизни, как вы считаете? Ради чего стоит жить?

— А что самое главное в испытании? Если вам дается испытание, то надо постараться найти силы его выдержать, найти даже радость в определенных переживаниях. Знаете, прочтите-ка лучше Библию, Евангелие, житие святых, прочтите десять заповедей, узнайте о семи смертных грехах. Там вы найдете источник познания жизни.

— А у вас легко получается этому следовать?

— Нет, нелегко. Вот есть у меня два смертных греха, которые я не могу искоренить. Чревоугодие — раз. А другой не буду называть, а то все узнают и неправильно истолкуют. Кстати, в моей жизни мне всегда помогали слова Николая Островского «Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». А еще ищите любовь. Лучше боль от разочарования в любви, чем ее полное отсутствие в жизни.

— Алла Борисовна, меня зовут Аня. В связи с последними газетными публикациями такой вопрос: «Комсомолка» написала, что якобы Кристине, вашей дочери, муж сломал нос. Это правда?

— Если он и сломал нос, то, видно, сразу и починил, потому что на следующий день она уже на гастроли поехала. Она же у меня ведет самостоятельно-независимый образ жизни. Я думаю, что со сломанным носом она бы не поехала на гастроли.

— А он вообще такой буйный?

— Нет, но он молодой и гордый. Я думаю, что там другая история.

— Рукоприкладство — это ужасно. Я надеюсь, что это не так.

— Да, Анечка, надежда умирает последней, но ведь все-таки умирает. Не надо обольщаться.

— Скажите, пожалуйста, а почему вы построили свою дачу не в Крекшине, а отдельно от всех знаменитостей?

— Во-первых, счастье, что я ее все-таки построила, ведь десять лет строила. Потихонечку. Что дали, то и взяла. И кстати, очень счастлива. Когда я приезжаю в Крекшину, то кажется, что попала на «Песню года». Тут тебе и Распутина, тут тебе и Валерия, тут тебе и Дельфин с Русалкой, и Лещенко, и Винокур. Так и хочется запеть: «Песне ты не ска-

жешь до свидания, песня не прощается с тобой».

— А вы по-настоящему с Филиппом муж и жена или это какое-то больше деловое сотрудничество, партнерство?

— Ой, господи, ну уже седьмой год пошел, какое же это деловое партнерство! Это, конечно же, брак, и не по расчету. Когда-нибудь я напишу об этом: ах, как это романтично, как это интересно было. Я ни о чем не жалею.

— В одном из интервью «МК» вы говорили, что давали слово выйти замуж за человека с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

— Да, только там забыли написать одно мое условие: если я доживу до 90 лет и буду одинокой. Шутка у меня такая была раньше. Так что хочу сказать вам, Аня, пока мы один на один: у нас все хорошо. Передай всем. Поняла?

— А почему вы согласились на эту «Прямую линию»? Вас долго уговаривали?

— Дело в том, что я не со всеми журналистами разговариваю. Но с «Известиями» меня связывают уже долгие годы дружбы и взаимного доверия, поэтому я здесь сегодня.

Ольга КАБАНОВА